

Н. А. КАЧАЛОВ

Из «Записок»

<Фрагмент>

<...>

Путешествие по Волге было однообразно, и, чтобы его закончить, я опишу, что после 17 лет могу припомнить особенного, обрисовывающего личности цесаревича и цесаревны. Представительное положение их, несмотря на радушный прием народа, чрезвычайно было для них тягостно. Действительно, постоянно быть на виду, постоянно быть сдержанным, что необходимо, т[ак] к[ак] тысяча глаз ловят каждое слово, каждое движение, должно быть чрезвычайно тяжело. На этом основании высшее наслаждение наших принципалов было остановить пароход на пустом, необитаемом берегу Волги, выйти на берег, побегать, набрать хворосту, зажечь большой костер и при этом перепачкаться, т. е. испытать все противоположное обычной их жизни¹. Желая исполнить подобную прогулку, в один хороший вечер, с парохода понравилось одно место, ровное по берегу, а недалеко лесок и небольшая деревенька с деревянной сельской церковью, и приказано было остановить пароход. Все, кроме цесаревича, вышли на берег, и ровная полоса берега оказалась сыпучим песком, так что ноги вязли. Было предложено возвратиться, но цесаревна не согласилась, и мы побрели, утопая в песке, причем все дамские ботинки наполнились песком, а юбки и платья, хотя и приподнятые, перепачкались. Песчаная полоса оказалась более версты, но наконец мы добрались до деревушки порядочно измученные. Деревня оказалась очень маленькая, и главных жителей составлял причт церкви. Все мужчины и большая часть женщин были на полевой работе, и нас встретила молодая попадьа, которая и не подозревала, каких она принимает гостей. По нашей просьбе матушка отворила церковь, и все опустили в сборную кружку свои приношения, и, конечно, в этой церкви никогда не бывало и не будет подобного сбора. Мы прошли по деревне, и так как смотреть было нечего, то мы собрались

возвращаться, но матушка просила нас зайти к ней в дом. Попадья оказалась пребойкая и болтунья, обращалась со своими гостями без всякого стеснения, рассказала все, до ее жизни относящееся, и до того расходилась, что вздумала напоить нас чаем и отправилась ставить самовар. Цесаревич оставался на пароходе. Цесаревна дала мне серьги и кажется 100 руб[лей] для подарка попадье, которую я встретил с кипящим самоваром. Роскошь подарка ее поразила, и когда я сказал ей, кто ее гости, то матушка совершенно потерялась, самовар полетел на пол, а когда она опомнилась, то бросилась целовать у цесаревны ноги. Мы же без поповского чая возвратились на пароход. Событие это будет навеки памятно для этих скромных людей. Припоминаю одно обстоятельство, обрисовывающее характер цесаревны. Для путешествия цесаревича был составлен подробнейший маршрут с определением не только дней, но и часов прибытия и отбытия из каждого пункта, и было назначено, что мы должны прибыть в Ялту 6 августа в час пополудни. Император Николай был замечательно аккуратен по этому предмету и не позволял себе, чтобы его ожидали, и эта привычка перешла к императору Александру Николаевичу, который в свою очередь требовал такой же аккуратности от детей своих, и цесаревич был очень озабочен точным исполнением маршрута. По окончании путешествия мы могли прийти в Ялту 6 августа около 11 часов утра, но так как прибытие было назначено в час, то мы 2 часа продержались в море и ровно в час вошли в Ялтинскую бухту. Государь, не имея известий, где находится наш пароход, но уверенный в исполнении маршрута, без пяти в час сидел уже на катере и ровно в час выехал на рейд, где действительно встретил наш пароход.

На этом основании цесаревич мог останавливаться только в попутных городах, но в больших селах тысячные толпы ожидали цесаревича с хлебом-солью, украшенными пристанями и подарками. Толпа кричала ура и жестами приглашала остановиться, но злосчастный маршрут не позволял утешить приглашающих, и приходилось откланиваться и проходить мимо. Распоряжение это сильно неполитичное и было сделано по непрактичности создателей маршрута, а не по вине цесаревича.

Одним ясным утром мы проходили мимо богатого торгового уездного города Саратовской губернии Вольска, где по маршруту не было назначено остановки. Около пристани, чрезвычайно украшенной, вся местность была залита народом, которого собралось на глазомер тысяч 20, а может быть, и более. Тут же было видно духовенство и строй войска. Вся эта тысячная масса, многие на коленях, кричали, махали руками и умоляли остановиться. Окружающие просили цесаревича пристать к Вольску, но он, указывая на злосчастный маршрут, находил положительно это невозможным и даже наконец рассердился². Тогда окружающие направили меня, и на мои представления цеса-

ревич с раздражением отвечал, что вы очень хорошо знаете, почему я не могу остановиться, зачем же вы меня мучаете?

На это я отвечал, что мне очень тяжело сердить его, но я знаю дурное впечатление, которое произведет на всю так радушно приглашающую его народную массу отказ остановиться, и что подобный отказ — дело весьма неполитичное. На это цесаревич сказал: «Извольте, я остановлюсь, но не сойду с парохода, приму рапорты и депутатов и сейчас же отвалить».

Цесаревна все слушала, но ни одним словом не высказала своего мнения. Вообще, во время этого путешествия выставился превосходный характер цесаревны и большая практическая выдержка, данная ей при воспитании. Во время всего путешествия цесаревна не выказала ни одного каприза, не доставила малейшего стеснения и не заставила секунды себя ждать. Она всегда была вовремя одета, всегда всем довольна, и исключительно ей мы были обязаны, что в нашем обществе было весело и не было [ни] малейшего стеснения.

Продолжаю Вольский рассказ. Пароход пристал к пристани. Положили сходню, по которой вошли местное начальство и депутаты. На пароходе, при самом входе, стояла впереди цесаревна, за ней цесаревич, а представлявшиеся на сходне. По приеме хлеба-соли, цесаревна, разговаривая с депутатами, делала шаг за шагом вперед и постепенно заставляла отступать депутатов, а цесаревича за собой следовать, что он исполнял улыбаясь, вероятно, поняв маневры цесаревны. Таким образом, все перешли на пристань, где на одной половине была устроена выставка местных произведений, а на другой сервирован роскошно чай и десерт. Только что вошла на пристань цесаревна, ее окружила толпа разряженных, в бриллиантах, купчих, и чрез секунду мы увидели цесаревну усаженною и кушающей чай. Цесаревича очень заинтересовала выставка, потом он обошел войска, посетили собор и какие-то благотворительные заведения, и, употребив на это около 2 часов, всех удовлетворили и отправились дальше.

Я упоминал выше, что мы днем собирались на крыше рубки. Так и в этот раз цесаревич с цесаревной ушли вниз в каюту, и мы уселись вокруг стола на рубке, и мне пришлось сидеть спиной ко входному трапу. Я почувствовал, что кто-то положил мне сзади руки на плечи. Я оглянулся и увидел, что это цесаревич. Я хотел встать, но он удержал меня и проговорил с доброй улыбкой: «Довольны ли вы, толстый мучитель?» На это, конечно, отвечал, что чрезвычайно доволен и глубоко благодарен.

<...>

